

DISCUSSION

ПЕРЕВОДИМОСТЬ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

А.В.Павлова

Майнц, Германия

Summary: This article concerns with two different concepts of «untranslatability», the one which is typical for the new linguistic discipline in Russia – the so called «cultural linguistics» («lingvokulturologija»); the other one is represented by the practical and theoretical translation. The examples of untranslatable words in these two areas of human knowledge obviously differ from each other. The actual motivation of «cultural linguistics» is not to find and to describe the real untranslatable (language specific) words but to provide some evidence for the Ethnic stereotypes.

По вопросу о том, способны ли тексты одного языка быть полностью или частично переведены на другой язык, существуют три точки зрения: а) не могут; б) могут; в) могут лишь отчасти.

Позиции (а) придерживаются приверженцы радикальной версии гипотезы Сепира-Уорфа, или гипотезы лингвистической относительности (ГЛО). Каждый язык творит своеобразную картину мира, и народ – носитель этого языка – является ее узником, не способным выйти за ее пределы. Между человеческим сознанием и реальностью существует промежуточная реальность, порождаемая языком (*Zwischenwelt* – в терминологии Лео Вайсгербера). Непереводаемость обусловлена самой природой языка – его назначением служить промежуточной реальностью, уникальной для каждого языкового сообщества (*Sprachgemeinschaft*). Попытки выйти за границы этого промежуточного мира обречены на неудачу. Язык непосредственно воплощает в себе «дух народа». Поэтому взаимопонимание между народами – иллюзия.

Если следовать логике ГЛО, согласно которой форма имеет примат над содержанием (не бытие определяет сознание, а национальный язык), то придется признать: принципиальное отсутствие билингвизма, принципиальное отсутствие синонимии, принципиальную и глобальную непереводаемость.

Возникает явный конфликт между теорией и практическим опытом человечества, которое располагает и образцами мастерски выполненных переводов, и примерами полного билингвизма, и синонимическими рядами.

Рассмотрим все три составляющих, вытекающих из позиции последовательного неогумбольдтианства.

1. Отсутствие билингвизма.

Противоречие между ГЛО и явлением свободного владения двумя и более языками многие сторонники ГЛО замалчивают, другие же пытаются разрешить его рассуждениями о раздвоении личности билингвов: при переходе с одного языка на другой их мысли, чувства и поведение меняются. «У билингвов одновременно сосуществуют две языковые картины мира, у специалистов по иностранным языкам вторичная языковая картина мира накладывается на первичную, заданную родным языком», – резюмирует С.Г.Тер-Минасова [Тер-Минасова 2000: 63]. Ср. также: «[И]зучение иностранного языка (особенно на начальном, достаточно продолжительном этапе, дальше которого, к сожалению, многие изучающие язык не продвигаются) сопровождается своеобразным раздвоением личности» [там же: 48].

Научных подтверждений раздвоения личности людей, свободно владеющих несколькими языками, нет. В качестве доказательства приводятся обычно интроспективные наблюдения самих билингвов.

2. Отсутствие синонимии.

ГЛО не может признавать наличие синонимии. Ведь если допустить возможность преобразования одного и того же смысла в разные формальные представления, то потребуются допустить наличие смыслового инварианта вне его конкретного языкового воплощения, а это противоречит основной посылке ГЛО.

В книге «Языковая картина мира и системная лексикография», базирующейся на идеях ГЛО, предлагается установить строгие критерии по обнаружению «ключевых идей» языковой картины мира и их «этноспецифичности». В частности, «мера этноспецифичности <...> тем больше, чем большее число единиц языка выражает данную ключевую идею и чем более разнообразна их природа» [Языковая картина мира и системная лексикография 2006: 35]. Следовательно, мера этноспецифичности непосредственно связана с синонимией.

Наличие целого набора средств для выражения одного и того же смысла как критерий обнаружения ключевых идей противоречит ГЛО. Если безоговорочно признать справедливость гипотезы Сепира-Уорфа, то придется согласиться, что смыслов вне формы их выражения нет, идея должна быть слита с формой в одно целое, ибо только через языковые формы нам дана картина мира. Без языка она исчезает. Идея, согласно «строгому» неогумбольдтианству, не может существовать вне своего формального воплощения. Следовательно, в книге «Языковая картина мира и системная лексикография», в которой ключевые идеи языковой картины мира отыскиваются на основании разветвленной синонимии, идеи «классической» ГЛО воплощены лишь отчасти (идея «языковой картины мира» сохранена, а примат формы над содержанием подвергнут критическому переосмыслению, хотя и не в явном виде).

3. Принципиальная непереводаемость.

О принципиальной невозможности адекватного перевода писал В.Гумбольдт в письме Шлегелю: «Alles Übersetzten scheint mir schlechter-

dings ein Versuch zur Auflösung einer unmöglichen Aufgabe. Denn jeder Übersetzer muss immer an einer der beiden Klippen scheitern, sich entweder auf Kosten des Geschmacks und der Sprache seiner Nation zu genau an sein Original oder auf Kosten seines Originals zu sehr an die Eigentümlichkeiten seiner Nation zu halten. Das Mittel hierzwischen ist nicht bloß schwer, sondern geradezu unmöglich» [Humboldt 1929: 60 f]. Хосе Ортега-и-Гассет в эссе «Нищета и блеск перевода» утверждает: два слова, кажущиеся эквивалентами, никогда не обозначают одного и того же. Считать, что перевод осуществим, – означает предаваться иллюзиям [Gasset 1956: 22].

Аналогичные мысли высказываются и сегодня: «Социокультурный фактор, то есть те социокультурные структуры, которые лежат в основе структур языковых, окончательно подрывает идею “эквивалентности” слов разных языков, совпадающих по значению, то есть по соотносительности с эквивалентными предметами и явлениями окружающего мира» [Тер-Минасова 2000: 63]. Тезис о принципиальной непереводаемости находим и в книге А.О.Иванова, посвященной безэквивалентной лексике: «Ни в отношении формы (плана выражения), ни даже в отношении значения (плана содержания) тексты ИЯ и ПЯ и единицы этих текстов не могут быть тождественны в принципе» [Иванов 2006: 8]. Н.В.Перцов предлагает считать все единицы любого лексикона лингвоспецифичными: «трудно ожидать, что в двух произвольных естественных языках два переводных эквивалента будут обладать в точности изоморфными лексическими окружениями». Следовательно, универсализм, по крайней мере в лексике, исключен [Перцов 2006: 420]. А.В.Корниенко в учебном пособии «Дискурсный анализ» также постулирует глобальную непереводаемость: «Давно осознан факт, что значения слов в разных языках не совпадают (даже если они, за неимением лучшего, искусственно ставятся в соответствие друг другу в словарях). Значения слов отражают и передают образ жизни и образ мышления, характерные для языковой общности» [Корниенко 2008: 23]. Примечательно включение в сферу лексического значения фиксации «образа жизни и образа мышления».

Точку зрения на языки как на принципиально переводимые сущности разделяют лингвисты и философы, отвергающие ГЛО, а также большинство теоретиков и практиков перевода. «Принятие рационализма также подразумевает признание, что человечество является единым, поскольку различные языки, являющиеся для нас родными, взаимно переводимы в той степени, в какой они являются рациональными» [Поппер 1992: 276]. Принцип переводимости кратко резюмирует В.Коллер: «Alles, was gemeint werden kann, kann in jeder Sprache ausgedrückt werden» [Koller 1983: 152].

Проблематика эквивалентности перевода является в переводоведении центральной. Практически в каждой теоретической работе по переводу авторы останавливаются на концепциях полной непереводаемости и полной переводимости. Признавая принципиальную переводимость текстов любого языка на любой другой, подтверждаемую практикой, теоретики перевода указывают, что она относительна и зависит от объективного фактора – структуры текста – и от субъективного – профессионализма переводчика. В любой работе по переводоведению рассматриваются труд-

ные для перевода случаи: ложные друзья переводчика, имена собственные, географические названия, идиомы, каламбуры, гипонимы и гиперонимы, несовпадения по частотности, различия в ассоциативных полях, несовпадения грамматических категорий. Немалую трудность представляет слой так называемой безэквивалентной лексики, которая концентрируется главным образом вокруг специфических реалий. В пособиях по переводу описываются способы передачи такой лексики средствами другого языка. Другая серьезная проблема для переводчика – тексты поэтические, в которых форма обладает функциональной нагрузкой. Бывает так, что морфологические или фонетические свойства переводящего языка не позволяют сохранить замысел автора поэтического текста. Наконец, значительные трудности возникают при переводе языковых игр, например шуток, построенных на каламбурах, скрытых цитатах, крылатых словах, а также при актуализации внутренней формы (этимологии) слова или идиомы (подобные приемы распространились в последнее время в рекламе и в газетных заголовках).

Для обозначения случаев, когда безэквивалентные лексемы обретают в переводе «вторую жизнь» – например, когда игра слов одного языка заменяется игрой слов другого языка или когда подыскивается способ передачи стилистических особенностей текста оригинала не вполне точными на словарном, но абсолютно точными на текстовом уровне средствами другого языка, – в переводоведении пользуются термином «адекватность». Переводчики знают, что текст на другом языке можно рассматривать как адекватный исходному даже в тех случаях, когда отдельные лексемы переведены не так, как это предлагает двуязычный словарь, строго придерживающийся принципа лексической эквивалентности. И наоборот: соблюдение лексической эквивалентности еще не всегда означает адекватность. Так, традиция двуязычной лексикографии предлагать в виде эквивалентов только словарные соответствия, принадлежащие к той же части речи, что и лексемы исходного языка, для реального перевода является скорее помехой, чем поддержкой. Если следовать этому узко понимаемому принципу лексической эквивалентности, перевод текста не осуществить – он не будет не только адекватным, но даже грамотным.

Выразительный пример неадекватного перевода приводит Е.В.Бердникова в своей диссертации. В переводе романа «Три товарища» Ремарка на вопрос *Интересно, как бы ты выглядел в цилиндре?* следует ответ: *Как трубочист*. Немецкое существительное *Schornsteinfeger* ‘трубочист’ ассоциируется для немцев с человеком в высоком цилиндре; встретить на улице трубочиста – добрая примета. В русском *трубочист* ассоциируется с сажей, грязью. Поэтому перевод диалога можно рассматривать как формально эквивалентный, но функционально неадекватный замыслу автора [Бердникова 2006: 17-18] – несмотря на то, что на чисто лексемном уровне слово *Schornsteinfeger* имеет точный однословный эквивалент. В этой ситуации для перевода определяющую роль играют культурные стереотипы. Правильным вариантом перевода на русский был бы: *Интересно, как бы ты выглядел в цилиндре? – Как английский лорд*.

Другой пример – «из жизни». Правление фирмы SAP (Германия) приняло решение, что все сотрудники должны ходить внутри зданий фирмы с пристегнутыми к ремням или воротникам пропусками, причем таким образом, чтобы видна была фотография. На рекламных плакатах, которые развесили по всему зданию в ознаменование вступления этого решения в силу, разместили две надписи, на английском и на немецком языках (фирма интернациональная, многие сотрудники общаются друг с другом по-английски). Английская надпись гласит: *I am proud to wear SAP!* («Я горжусь тем, что ношу фирменный знак SAP»), а немецкий перевод такой: *Ich trage SAP gern!* («Я с удовольствием ношу фирменный знак SAP»). Для немецких сотрудников формулировка «я горд, я горжусь» в данном контексте неприемлема; это связано с культурными стереотипами. Переводчик это обстоятельство учел. В итоге перевод оказался формально неэквивалентным, но прагматически адекватным.

Для характеристики качества переводного текста иногда используется термин «частичная эквивалентность». Это довольно широко трактуемое понятие позволяет разрешить некоторые конфликты, возникающие при оценке эквивалентности перевода. Например, частичная эквивалентность может характеризовать отношение между видом и подвидом объекта (*нога – leg/foot*), перевод идиомы неидиоматическим словосочетанием, стилистические расхождения, несовпадения по объему ассоциативных полей. Частичная эквивалентность в переводе не только допустима, но и неизбежна.

Таким образом, теория перевода, рассматривая дилемму переводимость/непереводимость в ее соотношении с эквивалентностью и адекватностью, решает ее в пользу переводимости, но с оговорками и комментариями, касающимися трудностей перевода и допущения частичной эквивалентности, а также описывает набор приемов по достижению эквивалентности.

Рассмотрение языков как лишь частично переводимых сущностей – это позиция сторонников умеренной версии ГЛЮ. Она в общих чертах формулируется следующим образом: картины мира, рисуемые разными языками, в чем-то схожи, а в чем-то различны. Различия между языковыми картинами обнаруживают себя в лингвоспецифичных лексемах, заключающих в себе уникальные концепты. Исследование лингвоспецифичных лексем позволяет смоделировать по крайней мере существенные фрагменты языковых картин мира и конституирующих их концептов. На этой позиции стоят лингвисты Московской семантической школы, разделяющей идеи А.Вежбицкой (Ю.Д.Апресян, А.Д.Шмелев, Е.В.Урысон и др.), а также их последователи в других городах России. Именно эта точка зрения отражена в уже цитированной выше книге «Языковая картина мира и системная лексикография».

В рамках этого подхода встречаются и утверждения о том, что логические ходы мышления различных народов, возможно, одинаковы, а вот эмоциональный фактор в каждом языковом сообществе уникален, поэтому наибольшие трудности для перевода представляют собой лексемы из эмоциональной сферы [Погосова 2007: 5]. Количество наименований работ, по-

священных языковому воплощению эмоций в связи с их лингвоспецифичностью, в последнее десятилетие резко возросло.

Частичная переводимость объясняется сторонниками умеренной (нестрогой) версии ГЛЮ несовпадением в менталитетах народов – носителей языков, различиями в их языковых картинах мира и в их культурном опыте. В большинстве работ этого направления декларация, что в языках есть универсальное и идиоэтническое, дальнейшей разработки не получает, так что остается неясно, какие именно элементы языка следует отнести к универсальным, а какие – к идиоэтническим. Исследования этносемантики и этнограмматики сосредоточены вокруг небольшого набора конкретных примеров, так что целостной картины соотношения общего и специфического не возникает. Лишь изредка встречаются попытки отделить универсальное от лингвоспецифического, но и они предпринимаются на единичных примерах: «Лингвокультурная доминанта *дом – родина – чужбина* присутствует в любой этнической культуре и является универсальной» (впрочем, в тексте нет доказательств ни универсальности, ни доминантности этой триады) [Свицова 2005: 5]. Здесь же указывается, что концепт *родина* в сознании носителей английского и русского языка культурно-специфичен. В качестве подтверждения рассматривается корпус русских и английских пословиц. В них автор отыскивает признаки русской – особо эмоциональной в сравнении с английской – привязанности к родине [Свицова 2005: 17-19]. Примечательно, что немцы приписывают концепт *Heimat* себе – как особый, непереводимый, выражающий специфически немецкую привязанность к родине. «Es handelt sich um ein für Linguisten unerfreuliches Gebiet, auf dem jeder Stammtischphilologe glaubt, unbekümmert dilettieren zu dürfen. Es gibt eine Reihe von deutschen <...> Kandidaten, die in diesem Zusammenhang immer wieder zitiert werden: *Heimat, Stimmung, Erlebnis, Gemütlichkeit, Schadenfreude, Heimweh, eigentlich* usw. Die völkerpsychologische Deutung solcher Wörter ist außerordentlich beliebt. <...> So wurde z.B. von einem Engländer geäußert, die ganze Niedertracht der deutschen Nation zeige sich schon im Wort *Schadenfreude*. Angehörige anderer Nationen hätten große Mühe, dieses Wort überhaupt nur annähernd zu verstehen, da sie ein derartiges Gefühl nicht kennen. <...> Was nun die “Unübersetzbarkeit” dieser Wörter betrifft, so sollte man sich darauf einigen, das gemeinte Phänomen technischer und präziser auszudrücken; etwa durch “nur selten durch ein Wort wiederzugeben”. <...> Wenn man unter einem “übersetzbaren” Wort ein Lexem verstehen will, das in allen Kontexten unbeschränkt austauschbar ist, so sind alle Wörter “unübersetzbar”, wenn auch vielleicht nicht im Hinblick auf jede Zielsprache» [Albrecht 2005: 132]. Это лишний раз свидетельствует о том, что лингвистический анализ подменяется в работах, подобных цитированной, расхожими этностереотипами (осознанно или неосознанно – неясно): результат поиска известен заранее.

Исследования в русле описываемой позиции постепенно образовали новое научное направление – лингвокультурологию. Переводимость и непереваемость в рамках лингвокультурологии трактуются иначе, чем в теории перевода, хотя это различие, кажется, нигде явно не формулируется. Как непереводимые рассматриваются некоторые лексемы и отдельные

грамматические явления, хотя в практике перевода те же лексемы или грамматические конструкции обычно успешно переводятся и для переводчиков особых сложностей не представляют. И наоборот, реальные лакуны – слова, для которых нет эквивалентов на уровне лексикона, – в поле зрения лингвокультурологов попадают редко. С позиций лингвокультурологов реальная (осуществляемая на практике) переводимость некоторых лексем является иллюзорной. Справедливо и обратное соотношение: с позиций практикующих переводчиков непереводаемость, иллюстрируемая на примерах слов и конструкций, которыми оперируют лингвокультурологи, также представляется иллюзорной.

Каковы же причины трактовки некоторых лексем в лингвокультурологии как непереводаемых?

1. Плохое владение иностранными языками.

Утверждение «в русском языке имеются почти синонимы *собираться* и *намереваться* (нечто сделать). Первый является лингвоспецифичным и труднопереводимым, второй – нет» [Крысало, Осташева 2009: 19] заставляет предположить, что авторы не очень хорошо владеют иностранными языками. Различие между семантикой этих слов столь незначительно, что в текстах часто можно без всякой потери для смысла заменить одно другим. Но авторам явно важнее подчеркнуть семантическое различие: ведь только в этом случае можно будет утверждать, что одно из этих слов переводимо, а другое нет. В действительности переводимы оба слова в равной степени. В немецком языке для выражения идеи *собираться что-л. сделать* имеется немало количество синонимов: *Anstalten machen, sich anschicken, drauf und dran sein, gerade dabei sein*. Например: *Sie hat im April ihre letzte Lateinklausur bestanden und ist damit raus aus der Uni und drauf und dran Lehrerin zu werden* (Der Spiegel) – *Она сдала в апреле последний экзамен по латыни, закончила университет и собирается стать учительницей*; *Wenn ich nach dem Essen aufstehe und Anstalten mache, den Tisch abzuräumen, stehen meine Schwiegermutter sowie die Tochter meiner Schwiegermutter auf, nehmen mir den Teller aus der Hand und sagen: «Bleib sitzen, wir kümmern uns schon darum»* (Die Zeit) – *Если я после еды встаю и собираюсь убрать со стола, моя теща и дочь мой тещи вскакивают, отбирают у меня тарелки и говорят: «Сиди, мы сами все сделаем»; «Schöner», sagt Frau Graffunder – und hält dabei den Hahn fest, der mit der Krallen scharrt und sich anschickt, auf den Besucher loszugehen – «schöner kann man in Berlin gar nicht wohnen»* (Die Zeit) – *«Лучше, [чем они]», – говорит госпожа Граффундер, удерживая петуха, который скребёт когтем и явно собирается напасть на гостя, – «лучше в Берлине никто не живет»*. Разумеется, в некоторых контекстах глагол *собираться* можно заменить синонимами *намереваться* или *вознамериться* – без малейшего ущерба для смысла.

Слово *разлука* рассматривается как специфически русское, непереводаемое, воплощающее в себе особое, характерное лишь для русских, видение мира: «Быть в *разлуке* – значит быть врозь физически, но вместе эмоционально» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 233]; его западноевропейские аналоги объявляются переводами не *разлуки*, а *расставания*: «слово *Trennung* оказывается не просто неточным эквивалентом русского

разлука, но в некотором смысле его противоположностью – обозначая вынужденную пространственную соединенность людей, эмоционально друг от друга отделившихся» [там же: 234]. Утверждающим это, судя по всему, неизвестно, что немецкое слово *Trennung* многозначно и одно из его значений по концептуальному объему равнозначно русскому слову *разлука*, например: *Aus Sehnsucht hab' ich manchmal wirklich nichts gegessen in dieser Zeit der Trennung* (Gisela von Arnim) – *От тоски во время нашей разлуки я иногда и правда ничего не ел*; *Edmund, so schmerzlich ihm die Trennung von der Geliebten werden musste, fühlte doch den dringenden Trieb, zu Wallfahrten* (E.T.A.Hoffmann) – *Эдмунд, как ни тяжела для него была разлука с любимой, испытывал непреодолимое влечение к паломничеству*; *Ich soll mich zurückfinden in den Ton unserer glücklichen Tage, so schrieben Sie mir gestern. Mit Ihnen am selben Orte, dieselbe Luft atmend, würd ich es nie gekonnt haben; aber in dieser Trennung werd ich es können oder es lernen, weil ich es lernen muss* (Th.Fontane) – *Вы написали мне вчера, что я должен вернуться к тому тону, который был принят меж нами в те счастливые дни. Будучи рядом с Вами, дыша одним воздухом с Вами, я никогда бы этого не сумел; но в разлуке с Вами сумею или научусь: ведь вы велели мне этому научиться*. Ни в одном из этих примеров нельзя перевести слово *Trennung* как *расставание*.

«Чувство обиды кажется нам настолько естественным и повседневным, что мы с удивлением обнаруживаем отсутствие точного эквивалента этому слову, например, в английском, французском или немецком языке. Действительно, такие слова, как англ. *to offend, offense*, франц. *offenser, offense*, нем. *beleidigen, Beleidigung*, иногда приводимые в словарях в качестве перевода слов *обидеть, обида*, на самом деле имеют значение, соответствующее русскому *оскорбить, оскорбление*, т.е. заключают в себе совсем иной концепт, в центре которого находится представление не о справедливости, а о чести» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2002]. Возможно, выражения *действительно, с удивлением обнаруживаем*, использованные авторами в этом пассаже, призваны внушить читателю, что это утверждение истинно. Но человеку, свободно владеющему немецким языком, трудно согласиться с тем, что цитированный отрывок отражает реальное положение дел. В немецком языке есть множество способов выразить идею обиды, и утверждать, что немецкий язык каким-то образом отличается от русского по частотности встречаемости в текстах выражений со значением *обида* или по объему и содержанию ассоциаций, стоящих за переводами слов *обида, обидно*, было бы некорректно. По-немецки состояние обиды (именно обиды, а не оскорбления, то есть морально-нравственной категории, а не категории чести) можно выразить несколькими различными способами, помимо лексем *Beleidigung, beleidigt sein: etwas tut weh, die Kränkung sitzt tief, etwas trifft j-n, etwas verletzt*. Есть и соответствия сочетаниям *лелеять обиду, нестовать обиду – in Selbstmitleid schwelgen, im Selbstmitleid versinken*. Присутствует в немецком и эквивалент выражения *не хочу никого обижать, но... – ich möchte keinem zu nahe treten*. Имеется и просьба: *не обижайся, я не хотел тебя обидеть – nimm es nicht persönlich*. Есть и эквивалент для выражения *разыгрывать из себя обиженного –*

beleidigte Leberwurst spielen. Имеется и идея *обижаться, надуваться – schmollen, sauer sein.* Например: *Sie küssen und sie verlassen sich und finden doch wieder zusammen, sie quälen ihre Söhne mit ihrem Selbstmitleid und ihren Neurosen* (Der Spiegel) – *Они целуются, расстаются, снова сходятся, терзают своих детей обидами и нервными срывами; Die Kränkung saß tief: Der Mensch sollte nicht mehr die Krone der göttlichen Schöpfung, sondern nur noch ein durch Zufälle entstandenes Wesen sein?* (Deutschlandradio) – *Это было обидно: неужели человек – не венец божественного творения, а случайно возникшее существо?; Das Modell «beleidigte Leberwurst» ist als Lösung wenig hilfreich und dürfte bei dem Vorgesetzten eher eine verstärkte «Bevorzugung» der anderen zur Folge haben* (Der Spiegel) – *Разыгрывать из себя обиженного не советую: начальника это может побудить отдавать предпочтение другим; Doch es gibt niemanden mehr, der mit mir spielen will. Ich beschließe, erst mal zu schmollen* (Der Spiegel) – *Но нет никого, кто бы захотел со мной играть. Я обижаюсь.* Вот пример из частного диалога: *Nur noch 700 Stimmen fehlten meinem Mann, um in den Landtag gewählt zu werden. So etwas tut weh – Моему мужу не хватило всего каких-нибудь 700 голосов, чтобы пройти в земельный парламент. Обидно.* Есть и эквивалент оборота *ему обидно, что...* (например, что его обошли по службе, не пригласили на праздник) – *ihn wurmt, dass...; es nagt an ihm, dass...* Например: *Wie sehr es ihn wurmt, dass Berger fast immer als «Sprecher» auftritt* (Die Zeit) – *Как же ему обидно, что Бергер почти всегда выступает в роли «рассказчика».* Поскольку эквиваленты для слов *обида, обижать, обидно* отыскиваются довольно легко, утверждение о том, что «эмоция *обиды* является специфической именно для русского языка. К этому заключению приводит как собственно семантический анализ слова *обида* и его производных, так и факт отсутствия в западноевропейских языках переводного эквивалента для этого слова» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 379], представляется не соответствующим переводческой практике. Во-первых, неясно, как можно прийти к заключению о лингвоспецифичности лексем путем «собственно семантического анализа»; во-вторых, как мы только что убедились, по крайней мере в одном западноевропейском языке эквивалентов немало, синонимия представлена весьма щедро – причем это синонимия и набор не частичных, а абсолютно точных эквивалентов русской идеи *обиды*. Можно предположить, что они есть и в других языках.

В книге «Ключевые идеи русской языковой картины мира» авторы авторитетно заявляют: «*пошлость* – одно из самых известных непереводаемых русских слов» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 182]. Если этого мнения придерживается В.Набоков, то в рамках эссеистики или беллетристики вполне допустимо высказывать любое мнение. Если же подобного мнения придерживаются лингвисты – то утверждения такого рода требуется *доказывать*. Переводческая практика, однако, доказывает противоположное: слово *пошлость* переводимо ровно настолько же, насколько переводимо любое другое слово русского языка, имеющее разветвленную семантическую структуру (то есть семантика слова разложима на большое количество сем). В текстах происходит актуализация лишь некоторых из этих сем и практически никогда не бывает так, чтобы актуализировалась

полностью вся семантическая структура. Привести примеры несложно: *Menschen glücklich zu machen. Klingt kitschig, ich weiß, aber das ist mein Traum* (Die Zeit) – *Сделать людей счастливыми. Звучит пошло, я знаю, но это моя мечта*; *Es war freilich nichts weiter als die Klarheit, die Selbstverständlichkeit, das billige und ordinäre Licht der Alltagsweisheit, aber es wirkte doch erleichternd und befreiend* (E.Friedell) – *Это были, конечно, всего лишь простота, ясность, дешевый и пошлый отблеск обыденного здравого смысла, но действие их было спасительно и целебно*; *Da blieb nur die Belletristik: Die Geschichten aus dem 18. Jahrhundert von Marquis de Sade oder D.H.Lawrences schlüpfriг-konkreter Roman «Lady Chatterley's Lover»* (Der Spiegel) – *Оставалась только художественная литература XVIII-го века: новеллы Маркиза де Сада или пошло-конкретный роман Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей»*; *Es kichert die Nonne bereits über eine nackte Wade, die Jungfrau in Romanen des 18. Jahrhunderts über die kleinste Anzüglichlichkeit* (Die Zeit) – *Монашка начинает хихикать уже при виде голой икры, девица из романов XVIII-го века прыскает в кулачок от малейшей пошлости*. В этих отрывках слова *kitschig, ordinär, anzüglich, schlüpfriг* иначе как *пошлый* не перевести.

Ю.Д.Апресян рассматривает вопросительные предложения *Где ego теперь искать?* или грамматические конструкции с глаголами на *-ся* и субъектом в дательном падеже (*Ему не работается; Мне здесь хорошо спится*) как лингвоспецифические для русского языка [Апресян 2005: 8-10]. Но те же конструкции широко представлены в немецком языке в виде вопросов с глаголом *sollen* (*Wo soll ich ihn jetzt suchen?*) и построений с возвратными глаголами, а также глаголом *sich lassen* (*Hier arbeitet sich gut = Hier lässt sich gut arbeiten; Hier schläft sich gut = Hier lässt sich gut schlafen*). Поэтому с тезисом о лингвоспецифичности описанных структур нельзя согласиться.

Утверждения о непереводаемости или неполной переводаемости приведенных лексем базируются на явном недоразумении. Конечно, если судить о возможностях перевода по двуязычным словарям, то можно прийти к мнению о непереводаемости той или иной лексемы. Но переводы осуществляются на уровне текстов, а не на уровне словарей, да еще и столь ограниченных по объему и по своим возможностям, как словари двуязычные. Только в текстах слова актуализируют свое значение и приобретают то, что принято называть *смыслом*. А переводятся всегда только *смыслы*.

Это не значит, что при переводах тех или иных выражений не бывает потерь (или, наоборот – хотя и реже, – приобретений). Случаи семантического расширения или сужения смысла того или иного выражения при переводе переводчикам хорошо известны. Если требуются примеры – стоит обратиться за консультацией к практикующим переводчикам или к литературе о трудностях и проблемах перевода.

2. Предвзятый подход (результаты рассуждений подгоняются под заранее намеченную схему).

2.1. Неверная трактовка лексического значения.

Некоторые толкования лексических значений можно объяснить только предвзятостью. Например: «В дефинициях лексемы *ветер* в русском

языке подчеркивается *горизонтальное* направление движения. Используемая в переносном значении лексема *ветер* реализует лакунарные значения ‘отсутствия чего-л.’ (“подбитый ветром”); ‘бесполезности’ (“бросать деньги на ветер”). Для английского определения лексемы *wind* не характерна детализация направления движения воздуха» [Перфильева 2008: 13-14]. В действительности лексическое значение слова *ветер* сем ‘горизонтальности’, ‘отсутствия’, ‘бесполезности’ не содержит.

В другой работе делается попытка доказать уникальность концепта *удивление* для языковой картины мира русских в ее сопоставлении с английской. Контекстуальный анализ, а также исследование фразеологии и словарных толкований подводят автора к выводу о том, что специфичным для русского человека является ощущение неспособности управлять положением дел в мире и зависимости всего происходящего от воли высшей силы, что отражает сакральный характер этимологической основы существительного *удивление*. В то же время английские эквиваленты *удивления* – *surprise, wonder* – якобы указывают на более предметный, агентивный и индивидуалистский характер английского языкового сознания [Дорофеева 2002]. Тенденциозность подобных толкований очевидна, никаких доказательств для них анализ семантики не предоставляет.

2.2. Абсолютизация семантических составляющих.

Одна или несколько сем, входящих в состав лексемы, рассматриваются как столь существенные, что их несохранение или ослабление в варианте перевода заставляет рассматривать весь перевод как неэквивалентный. Так, слово *sea* в языковом сознании англичан якобы содержит уникальную сему ‘мировая вода, которая окружает остров со всех сторон’ [Двинянинова, Мусихина 2006: 37]. Адекватность перевода, по мнению исследовательниц, иллюзорна.

2.3. Избирательный подход к синонимии.

Порой о синонимии забывают и рассматривают лишь один-два эквивалента из целого ряда возможных. Так, *кара* трактуется как лакуна в английском на том основании, что ее переводы *punishment, retribution* стилистически нейтральны и лишены важных для значения существительного *кара* сем [Смирнова 2009: 247-253]. Однако у *кары* больше возможных переводов на английский: *vengeance, quittance, reckoning, revenge*. Неполный отбор синонимов побуждает усомниться в достоверности вывода.

Иногда абсолютизируется различие в употреблении синонимов. Как сигнал лингвоспецифичности рассматриваются случаи несовпадений в их распределении: например, *теплый/ горячий* употребляются в словосочетаниях иначе, чем *varm/ het* в шведском. Делается вывод, что *varm* означает более высокую температуру, чем *теплый*, и их эквивалентность мнимая [Рахилина 2008: 218-220]. Однако несовпадение в распределении синонимов в тех или иных словосочетаниях можно трактовать и как узус (так принято). Например, по-русски можно сказать *она покраснела от бега/ от мороза* и *она покраснела от гнева/ стыда* – и нельзя: **она покраснела от стыда* или **она покраснела от мороза*. При этом и денотативно, и коннотативно (сигнификативно) глаголы *раскраснеться* и *покраснеть* идентичны. Их различная сочетаемость связана не с семантикой, а с узу-

сом. Какое это может иметь отношение к лингвоспецифичности в терминах лингвокультурологии – неясно.

2.4. Апелляция к авторитетам.

Нередко в качестве подтверждения тезиса о непереводаемости привлекаются художественные, публицистические, эпистолярные тексты или работы авторитетных лингвистов. Например, чтобы отстоять уникальность английской лексемы *understatement*, А.А.Джигоева ссылается на писателя Дж.Микиша, который в книге «How to be an Alien» сравнивает русскую и английскую душу: «The English have no soul; they have the understatement instead» [Джигоева 2006: 50]. Подтверждение уникальности слова *тоска* А.Д.Шмелев находит в письме Рильке к Бенуа от 28 июля 1901 г., в котором Рильке пишет, что смысл слова *тоска* плохо передается немецким словом *Sehnsucht* [Шмелев 2002: 91-92]. Рассуждения А.Вежбицкой о немецком существительном *Angst* и его непереводаемости [Wierzbicka 1999: 123 ff] стали классическими; на эту тему написана не одна диссертация [Аблецова 2005; Бутенко 2006; Стефанский 2009]. При этом самим немцам о том, что *Angst* является специфической непереводаемой ключевой идеей их культуры, похоже, ничего не известно (на этот предмет мною было специально опрошено 30 человек). Этот пример – из сферы так называемых гетеростереотипов (этностереотипов других народов о данном народе).

2.5. Произвольная трактовка понятия «переводимость».

Анну Вежбицку трудно заподозрить в незнании европейских языков. Однако список русских глаголов, которые она рассматривает как непереводаемые, не содержит ни одного слова, которое представляло бы реальную трудность для перевода: *тосковать, грустить, огорчаться, хандрить, ужасаться, стыдиться, любоваться, негодовать, томиться* [Wierzbicka 1992: 401 ff]. Неясно также, почему слова *стыд, совесть, вина, печаль, терпение, надежда, беда, счастье, несчастье, удача, неудача, обида, долг, грех, справедливость, правда, ложь* предлагается считать уникальными и в чем состоит трудность передачи их значений на других языках [Рылов 2003: 82]. Остается предположить, что авторы в своем подходе к переводаемости пристрастны.

3. Узкая трактовка безэквивалентности.

3.1. Ожидание однословного перевода той же частью речи.

Лакунами объявляются случаи, когда в языке перевода нет эквивалента среди слов той же части речи или когда слово переводится словосочетанием. Например, *капризница* причисляется к немецким лакунам лишь потому, что переводится прилагательным *launenhaft* [Бердникова 2006: 13]. Для практики перевода такой подход неприемлем. Критерием уникальности считается и однословность: «...концепт является “концептом” как раз в силу того, что он не находит однословных эквивалентов при переводе на другие языки» [Воркачев 2003: 5]. Это мнение также не согласуется с практикой перевода. Значительно ближе к ней противоположное мнение: «В случае перевода лексической единицы одного языка устойчивым словосочетанием в другом языке данная единица, на наш взгляд, не может быть признана лакунарной. Например, *essential* (предмет первой

необходимости), *rejectee* (негодный к военной службе), *designation* (назначение на должность) не являются лакунами в русском языке на фоне английского, поскольку в русском языке соответствующие значения выражены устойчивыми словосочетаниями» [Махонина, Стернина 2005: 46].

3.2. Рассмотрение проблематики переводимости на уровне словаря.

Вопреки переводческой практике, обращенной к текстам, в рамках лингвокультурологии принято концентрироваться на словарном уровне.

В любом языке имеются слова с емкой семантикой, которые при переводе как бы распадаются на семантические составляющие. На уровне двуязычного словаря только сумма всех переводов может передать емкость их значений. Но в контексте они обычно употребляются не в полном объеме всех своих семантических составляющих, а обладают лишь некоторым набором актуализуемых сем. Поэтому перевод их конкретных употреблений в текстах можно признать адекватным. Например, прилагательное *poishlyi* (о нем уже шла речь выше) действительно не переводится на немецкий одним словом на уровне словаря: для сем, составляющих сигнификативное содержание этого слова, есть отдельные переводы: *kitschig*, *ordinär*, *vulgär*, *gewöhnlich*, *geschmacklos*, *niveaulos*, *spießig*, *primitiv*, *kleinkariert*, *engstirnig*, *beschränkt*, *anzüglich*, *schlüpfrig*. В конкретных же текстах *poishlyi* означает 'бездуховный', 'вульгарный', 'непристойный' или 'безвкусный' – для всех этих значений имеются точные переводы (см. выше). Аналогичным образом обстоит дело с такими словами, как *udal'*, *toska*, постоянно упоминаемыми в работах этносемантистов и ставшими уже хрестоматийными [Булыгина, Шмелев 1997: 489-490; Добровольская 2005: 3; Синельникова 2006: 142; Иванова 2006: 4; Алефиренко 2010: 114]. На словарном уровне потери неизбежны, однако в тексте опытный переводчик обычно способен отыскать для их употребления адекватный перевод.

И наоборот: часто бывает так, что в словаре эквивалент отыскивается без затруднений, а вот в тексте слово «один к одному» не перевести. Скажем, никто не станет утверждать, что немецкое прилагательное *neugierig* не имеет эквивалента в русском языке. Он есть, и он абсолютно точен по объему сем: *любопытный*. Но фразу *Sie war neugierig alles zu erfahren* перевести с помощью прилагательного *любопытный* невозможно из-за рамок, налагаемых грамматической нормой (**Она была любопытная обо всем узнать*). Приходится что-то придумывать, например: *Ей было любопытно узнать, что он ей расскажет; Ей очень хотелось узнать обо всем, что с ним за это время произошло*, – или изобретать еще какой-нибудь вариант, о котором нельзя будет утверждать, что он синтаксически и лексически эквивалентен оригиналу. Считается переводимым на русский язык и глагол *wandern*: *бродить*, *блуждать*, *путешествовать*, *идти в поход*. Однако в речи этот глагол часто употребляется в таких контекстах, которые заставляют подыскивать для перевода свободные словосочетания, например: *Wir waren heute in der Pflanz wandern*. Здесь не годится для перевода ни один из предлагаемых двуязычным словарем глаголов: *гулять*, *бродить*, *блуждать*, *ходить в поход*. С походом связывается представление о костре, ночлеге, палатке, рюкзаках, отсутствующее в немецком по-

нятии *Wandern*. С другой стороны, общим для похода и *Wandern* является следование определённому маршруту. Это занятие – *wandern* – в немецкой современной культуре чрезвычайно распространено, люди часто проводят выходные, *indem sie wandern*. Культура таких однодневных походов без походного снаряжения в России не распространена. Несмотря на обилие словарных переводов, этот глагол стоило бы признать непереводимой реалией.

4. Привлечение к аргументации заведомых несовпадений.

4.1. Апелляция к фразеологии.

Переводчикам известно, что фразеологические единицы «напрямую» не переводятся; дословный перевод в области идиоматики – редкость. Лингвисты же, которые выводят картину мира непосредственно из языка, охотно используют фразеологию для подтверждения своих выводов. Апелляция к фразеологии столь типична для работ этого направления, что нет возможности их здесь перечислить. Приведем лишь один пример: уникальность концепта *душа* подтверждается, по мнению Л.А.Гуниной, тем, что в английских соответствиях русским идиомам со словом *душа* вместо его эквивалента *soul* попадают иные слова: *душа моя!* – *my dear!*; *жить душа в душе* – *to live in perfect harmony* [Гунина 2009: 174]. Ожидание симметрии в области фразеологии противоречит не только опыту перевода, но и теоретической лексикологии, в которой принята точка зрения, что идиомы – это единые лексемы и поэтому на меньшие элементы они не разложимы.

4.2. Обращение к внутренней форме.

Внутренняя форма (следы происхождения) лексем в разных языках почти никогда не совпадают. Апелляция к внутренней форме не может служить доказательством безэквивалентности или частичной эквивалентности, так как внутренняя форма не имеет отношения к проблематике переводимости: она не входит в семантику переводимых единиц (за исключением игры слов). Однако в лингвокультурологической литературе нередко предпринимаются попытки ввести внутреннюю форму в семантический объем лексического значения и принять за постулат положение о живых ассоциациях, якобы вызываемых в сознании воспоминанием о происхождении лексем. Б.О.Майер и И.Н.Топешко провозглашают «принцип буквализма» (апелляции к внутренней форме), так как, по их мнению, ментальные процессы к «буквальному» значению слов небезразличны [Майер, Топешко 2003]. А.Д.Жакупова, исследуя внутреннюю форму слова как регулятор «мотивационной рефлексии», считает, что она актуально присутствует в сознании как источник ассоциативных связей и потому может быть использована как минимальная единица сопоставления между языками. Она ссылается на труды А.А.Потебни, много писавшего про мотивационную природу внутренней формы [Жакупова 2008: 22-25]. При этом не упоминается тот факт, что как раз Потебня настаивал на том, что начиная с этапа полного овладения языком воспоминания о внутренней форме стираются и она перестает осознаваться [Потебня 1913: 138, 171-174].

4.3. Привлечение ассоциативного эксперимента.

С помощью ассоциативного эксперимента делаются попытки выяснить семантический объем «концептов» в различных языках. Работ, ис-

пользующих ассоциативный эксперимент, очень много. Их авторы уверены, что свободные ассоциации входят в семантику лексических единиц. Представляется, что это не так: индивидуальные ассоциации, даже будучи суммированы и обобщены, не обязательно принадлежат понятийному полю. Так, если *солнце* для некоторых носителей русского языка устойчиво ассоциируется с фильмом «Белое солнце пустыни», это не означает, что понятие *солнце* включает в себя сему 'фильм'. И это не значит, что понятие *солнце* для всех представителей данного социума ассоциируется с фильмом *Белое солнце пустыни*. Это означает только, что в данный момент у некоторых людей, с которыми проводили эксперимент, в памяти возникло название популярного фильма.

В некоторых работах различные методы доказательств в рамках подхода «умеренная версия ГЛЮ» (лингвокультурология) комбинируются.

Например, В.Ю.Апресян рассматривает выражение *не судьба* и находит его отличия от английских переводов *not fated, not destined*: русская лексема имеет более сложную временную ориентацию, она может быть отнесена к будущему и сопровождаться модальными словами *видно, значит*, в то время как английские выражения относимы лишь к прошлому [Апресян 2006: 31-37]. Аргументация в ключе абсолютизации одной семы сочетается в этом рассуждении с забвением синонимов. Апресян не рассматривает английский эквивалент *it is not granted to smb.*, который представляет собой полное соответствие лексеме *не судьба*, в том числе и во временном и модальном отношении. То же касается немецких переводов *j-d sollte nicht; j-m ist etw. nicht gegönnt, nicht beschieden*, отличий от русского оригинала не обнаруживающих. Например: *Nein, eine fröhliche Amtsführung wird Horst Köhler nicht beschieden sein (Die Zeit) – Нет, не судьба Хорсту Кёлеру насладиться радостями высокого служебного положения; Die einzigen, denen der Schlaf ab 22 Uhr nicht gegönnt ist, sind die zur Wache eingeteilten Urlauber (Der Spiegel) – Единственные, кому не судьба уснуть после десяти вечера, – это те из отпускников, кто по графику назначен в охрану; Ihre Enkel sollte sie aber nicht mehr erleben (из детектива) – Не судьба ей было увидеть своих внуков.*

О семантике *греха* в двух различных языках Е.А.Семухина пишет: «Имя концепта во французском языке – *péché* происходит от латинского *peccatum*, означающего *faute* (ошибка), в свою очередь образованного от глагола *peccare*, передающего значение *broncher, faire un faux pas* (спотыкаться, ошибаться, делать неверный шаг). Отметим, что при общей схожести внутренней формы имени концепта фонетическая близость слову *греть* придает дополнительный оттенок смысла концепту русской лингвокультуры. Данный факт интерпретируется в образовании ассоциативной связи между понятиями греха и совести (“жжение” совести). Во французском же языке отмечается связь греха с сознанием» [Семухина 2008: 14]. В этом тексте апелляция к внутренней форме слова соседствует с неверной трактовкой лексического значения: в семантике русского слова *грех* ассоциация с глаголом *греть* полностью отсутствует.

Таким образом, подходы к проблематике переводимости в переводоведении и лингвокультурологии не совпадают. Переводческие лакуны ла-

кунам лингвокультурным в общем и целом не соответствуют. Для переводчиков лакуны существуют в первую очередь как явление текстового (речевого) уровня (за исключением специфических реалий), а для лингвокультурологии – как явление словарного уровня. Переводчики рассматривают как лакуны случаи реальной непереводаемости, а лингвокультурология изучает «культурные концепты», которые полностью совпадают с этностереотипами и к переводаемости не имеют отношения.

Принятие ГЛЮ за основу методологии не позволяет выделять в языках общее (универсальное) и потому не позволяет обнаружить в нем и лингвоспецифическое, ибо одно предполагает другое. Если быть до конца последовательным, оставаясь на позициях неогумбольдтианства, то всякое совпадение между языковыми картинками мира требовалось бы признать случайным, а взаимопонимание между носителями разных языков недостижимым. Если же исходить из того, что в языках есть как универсальные, так и лингвоспецифические (непереводимые) элементы, то единственным способом отыскать лингвоспецифичность тех или иных лексем является сравнение изучаемого объекта – конкретного языка – со всеми другими языками и диалектами (что реально пока, видимо, недостижимо), причем не на уровне их лексиконов, а на уровне дискурсов; кроме того, нужно определиться с эпохой (может сравниваться только состояние языков определенного временного отрезка). И если бы при таком – сугубо гипотетическом, при нынешнем состоянии технологий и методов недостижимом – сравнении выяснилось, что немецкие лексемы *hilfsbereit*, *doch*, *Geisterstadt*, *füßeln*, *wandern*, не переводимые на русский язык однословными эквивалентами, переводятся без труда хотя бы на один язык или диалект, то вопрос об их лингвоспецифичности, уникальности, непереводаемости – немедленно был бы снят¹.

ЛИТЕРАТУРА

- Albrecht 2005 – *Albrecht J. Übersetzung und Linguistik. Band 2. Tübingen: Narr Verlag, 2005.*
- Gasset 1956 – *Gasset José Ortega y. Vom Glanz und Elend der Übersetzung. München: Langwiesche-Brand, 1956.*
- Humboldt 1929 – *Humboldt W. von. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Darmstadt: H. Netze, 1929.*
- Koller 1983 – *Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. Heidelberg, 1983.*

¹ В действительности целью российской лингвокультурологии является вовсе не обнаружение лингвоспецифического в языках, а поиск подтверждения этностереотипов. Анализ якобы непереводаемой лексики, полностью соответствующей этностереотипам, производится лишь для сохранения видимости «научности». Аналогичные тенденции наблюдаются сейчас в китайской лингвокультурологии, см. [Schulte 2004].

- Schulte 2004 – *Schulte B.* East is East and West is West? Chinese Academia Goes Global // J.Schriewer, Ch.Charle, P.Wagner (Hrsg.). Transnational Intellectual Networks. Forms of Academic Knowledge and the Search for Cultural Identities. Frankfurt am Main, 2004.
- Wierzbicka 1992 – *Wierzbicka A.* Semantics, culture and cognition. New York, 1992.
- Wierzbicka 1999 – *Wierzbicka A.* Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals. Cambridge, 1999.
- Аблецова 2005 – *Аблецова Н.В.* Языковая репрезентация концепта *ANGST*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005.
- Алефиренко 2010 – *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта, 2010.
- Апресян 2005 – *Апресян Ю.Д.* О московской семантической школе // Вопросы языкознания. 2005. № 1.
- Апресян 2006 – *Апресян В.Ю.* Семантика и прагматика судьбы // Труды международного семинара «Диалог 2006». М., 2006.
- Бердникова 2006 – *Бердникова Е.В.* Лексическая лакунарность в аспекте межкультурной коммуникации. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2006.
- Булыгина, Шмелев 1997 – *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997.
- Бутенко 2006 – *Бутенко Е.Ю.* Концептуализация понятия «страх» в немецкой и русской лингвокультурах. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006.
- Воркачев 2003 – *Воркачев С.Г.* Концепт как «зонтиковый» термин / [Электронный ресурс] // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. М., 2003. – <http://kubstu.ru/docs/lingvoconcept/umbrella.html>
- Гунина 2009 – *Гунина Л.А.* Этноспецифические концепты как отражение национального характера // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. СПб., 2009, № 97.
- Двинянинова, Мусихина 2006 – *Двинянинова Г.С., Мусихина К.М.* О месте концепта *more* в национальном самосознании англичан // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. М.: Изд-во РУДН, 2006.
- Джигоева 2006 – *Джигоева А.А.* Английский менталитет сквозь призму ключевых слов: *understatement* // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006.
- Добровольская 2005 – *Добровольская Е.В.* Концептуализация семьи в русской языковой картине мира. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.
- Дорофеева 2002 – *Дорофеева Н.В.* Удивление как эмоциональный концепт. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.
- Жакупова 2008 – *Жакупова А.Д.* Осознание фитолексики представителями русской и болгарской языковых культур // Болгарская русистика. 2008. № 3-4.
- Зализняк, Левонтина, Шмелев 2002 – *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира /

- [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2002. № 3. – http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_22.html
- Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 – *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Иванов 2006 – *Иванов А.О.* Безэквивалентная лексика: учебное пособие. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.
- Иванова 2006 – *Иванова И.А.* Концепт *любовь* и его концептосфера в истории русского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
- Корниенко 2008 – *Корниенко А.В.* Дискурсный анализ: Учеб. пособие. СПб., 2008.
- Крысало, Осташева 2009 – *Крысало О.В., Осташева Ю.В.* Языковая картина мира переводного произведения как синтез языковых картин мира автора и переводчика // *Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка*. 2009. № 12 (175).
- Майер, Топешко 2003 – *Майер Б.О., Топешко И.Н.* Особенности картины мира в контексте языковых интерпретаций // *Философия образования*. Новосибирск, 2003, № 8.
- Махонина, Стернина 2005 – *Махонина А.А., Стернина М.А.* Опыт типологии межъязыковых лакун // *Лакуны в языке и речи*. Вып. 2. Благовещенск, 2005.
- Перфильева 2008 – *Перфильева Н.Ю.* Специфика вербализации концепта «погода» средствами русского и английского языков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008.
- Перцов 2006 – *Перцов Н.В.* К проблеме построения семантического мета-языка / [Электронный ресурс] // *Труды междунар. конф. Диалог 2006*. М., 2006. – <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Pertsov.htm>
- Погосова 2007 – *Погосова К.О.* Концепты эмоций в английской и русской языковых картинах мира. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2007.
- Поппер 1992 – *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс, 1992.
- Потебня 1913 – *Потебня А.А.* Мысль и язык. Изд. 3. Харьков: Типография Мирный труд, 1913 (1862).
- Рахилина 2008 – *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008.
- Рылов 2003 – *Рылов Ю.А.* О семантических доминантах в языковой картине мира // *Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки*. 2003. № 1.
- Свицова 2005 – *Свицова А.А.* Лингвокультурная доминанта ДОМ-РОДИНА-ЧУЖБИНА в русских и английских пословицах. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2005.
- Семухина 2008 – *Семухина Е.А.* Концепт «грех» в национальных языковых картинах мира. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008.
- Синельникова 2006 – *Синельникова Л.Н.* Русскость в этическом пространстве славянства // *Ученые записки Таврического университета. Серия Филология*. Том 19(58). 2006.

- Смирнова 2009 – *Смирнова С.И.* К вопросу о методологии описания концептов // Вестник Нижегородского ун-та. 2009. № 3.
- Стефанский 2009 – *Стефанский Е.Е.* Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и современном языковом сознании. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Волгоград, 2009.
- Тер-Минасова 2000 – *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000.
- Шмелев 2002 – *Шмелев А.Д.* Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Языковая картина мира и системная лексикография 2006 – Языковая картина мира и системная лексикография. Под ред. Ю.Д.Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2006.